

ХУАН КИРЛО

СЛОВАРЬ
СИМВОЛОВ

JUAN E. CIRLOT

A DICTIONARY
OF SYMBOLS

ХУАН КИРЛО

СЛОВАРЬ СИМВОЛОВ

1000 статей о важнейших понятиях религии,
литературы, архитектуры, истории

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 003
ББК 71.1
К43

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Кирло Х.
К43 **Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях
религии, литературы, архитектуры, истории / Пер. с англ.
Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2010. — 525 с.**

ISBN 978-5-521-73313-2

Испанский искусствовед Хуан Кирло, теоретик «Барселонской школы», по-знакомит вас с загадочными визуальными символами, ведущими свое начало из глубокой древности. Кирло последовательно и глубоко раскрывает значение таких символов мировой культуры, как ЧИСЛО, ВОДА, КРЕСТ, КАДУЦЕЙ и многие другие, в их историческом, социальном и ритуально-мистическом аспектах, четко отмечая границы самого понятия «символ». Уникальный иллюстрированный словарь содержит около тысячи искусствоведческих статей, описывающих символы, принятые для обозначения целого комплекса понятий в религии, мифологии, живописи, литературе и архитектуре.

УДК 003
ББК 71.1

ISBN 978-5-521-73313-2

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2010

Вступление

О ЗНАЧЕНИИ СИМВОЛОВ

Об актуальности предмета исследования

Независимо от методики, с помощью которой мы собираемся систематизировать различные проявления символизма в художественных формах, предметах, понятиях, а также в снах и видениях, необходимо обозначить границы данного понятия. Отметим, что нередко исследователю трудно устоять перед искушением выдать желаемое за действительное. Мы разделяем точку зрения Мориса Шнайдера, что любая идея существует только вместе с верой в нее. Отвлекаясь от других фактов и изучая только символизм, заметим, что и другие явления, и их внутренний смысл имеют особенное значение.

Когда такой критик, как Каро Бароха, заявляет, что он против любого символического толкования мифа, его можно понять, поскольку не появилось еще исследования, в котором бы давалась исчерпывающая оценка символа. Каро Бароха пишет: «Мы не можем согласиться с тем, что Марс является символом войны, а Геракл — силы, ибо подобная прямолинейность свойственна риторикам, философам-идеалистам или педантичным схоластам. Понятно, что для тех, кто действительно верил в античных божеств и героев, Марс был объективной реальностью, хотя ее понимание и отличалось от современного». Символизм возникает тогда, когда архаические первобытные верования начинают перерастать в новую религию.

В связи с вышеуказанным прямолинейное сближение Марса с войной или Геракла с тяжелой работой воспринимается как аллегория, но далеко не отражает всей его символики.

Настоящий символ отражает динамичную и многозначную реальность, насыщенную эмоциональными и концептуальными ценностями, иначе говоря, связанную с настоящей жизнью.

Однако приведенная выше цитата оказывается необычайно полезной для нас, позволяя отметить границы понятия «символ». Хотя практически в любом явлении культуры можно выявить ту или иную символическую функцию или соответствующую связь, она не всегда позволяет рассматривать его как символ.

Символистские художники и писатели всегда совершают следующую ошибку: они ищут, как превратить всю сферу реальности в средство для передачи неуловимых «соответствий», сочетания аналогий. При этом они не отдают себе отчета в том, что символическое противоположно экзистенциальному и утилитарному, ибо законы символизма «работают» только внутри своей особой области.

Данная особенность удачно соотносится с тезисом Пифагора, что «все располагается по порядку», подобно клеткам. Однако утверждение греческого философа не исключает наличия жизненной субстанции, не поддающейся точному измерению, ибо жизнь неизмеримо богаче и разнообразнее любой теории.

Рассуждая подобным образом, можно прийти к выводу, что символизм допустимо активно и обязательно применить к какой-либо стороне реальности, но не ко всему бытию как таковому. Здоровый скептицизм, зачастую не имеющий под собой никаких оснований, мешает принять символическую трактовку явления.

Защищая эту область человеческой мысли, Карл Густав Юнг, которому столь многим обязана современная симвонология, пишет: «Для современного состояния науки аналогии, даже когда они выражают самые неожиданные символические значения, являются не чем иным, как самоочевидным абсурдом. Этот суровый вывод ни в коей мере, однако, не влияет на тот факт, что подобные утверждения существуют и играют важную роль в течение столетий. Объяснять такие факты должны психологи, ибо иначе они остаются в распоряжении неучей, которые неправильно интерпретируют их как абсурдные и туманные».

Во всех своих работах Юнг замечает, что сегодня вся энергия и интересы европейского человека связаны с наукой и технологиями, как когда-то древний человек подчинял свою жизнь мифологическим верованиям. И не только энергия и интересы человека далекого прошлого, но также и его умение обобщать свои наблюдения привели к созданию невероятно плодотворной, содержательной философии (индийской, китайской и исламской (наверное, на первое место поставим все же древнегреческую философию. — *Ред.*), а также каббалы и напряженным исследованиям в области алхимии.

Мнение о том, что люди Древнего мира были наделены техникой созерцательной мысли, которая убедила их в том, что можно добиться некоторых успехов с помощью пророчеств, подтверждается, в частности, археологом и историком Контено, который установил, что школы предсказателей и волшебников из Месопота-

мии не смогли бы процветать без определенного числа сбывающихся предсказаний.

И кроме того, воспользуемся мнением Гастона Башляра, задавшего следующий вопрос: «Как легенда могла сохраняться и передаваться следующим поколениям, если бы не было «безоговорочных причин» веры в нее». Символистское значение явления помогает объяснить эти «внутренние причины», поскольку оно связывает действие с объяснением, человеческое с космическим, случайное с системным, беспорядок с порядком. Поскольку оно рассматривает мир как вселенную, которая без этих широких обобщений кажется бессмысленной, обезображенной и хаотичной. И наконец, это указывает на трансцендентальное (то есть недоступное познанию).

Возвращаясь к проблемам установления границ символизма и определения более точных задач этой работы, давайте теперь отметим, что, рассматривая фасад храма, мы можем заметить:

- а) красоту архитектурного целого;
- б) особенности строительной техники;
- в) соотношенность с определенным архитектурным и художественным стилем, определяемую по географическим и историческим влияниям;
- г) культурное и религиозное значение или отсутствие оно, а также символическое значение архитектурных форм.

В этом отношении принятие символического смысла стрельчатой арки под окном с изображением розы может составить такой аспект знания, который дополнит все перечисленные выше.

Облегчая анализ подобного рода без (позволим себе повторить-ся) сбывающей с толку символической сущности предмета, его временной символической функции, которая выделяет его, мы и станем исследовать наш предмет. Такова наша основная задача.

Так, например, то, что романский храм обозначает пространственные границы священного места и является зримым воплощением Святого Духа, а его алтарь является источником благодати для молящихся, никак не преуменьшает или видоизменяет архитектурную и практическую реальность этого храма. Это только обогащает ее посредством установления «внутреннего содержания».

ОБ ИСТОРИЧНОСТИ СИМВОЛОВ

Одна из типичных ошибок при толковании символов заключается в противопоставлении символического историческому. Действительно, известно множество символов, которые существуют только внутри определенного культурного контекста и представляют собой исключительные события, которые одновременно являются историческими. Другими словами, они настолько значительны, что со временем вошли в мифы, легенды, а затем и в историю.

Однако на самом деле они составляют лишь одну, и при этом далеко не главную часть репертуара мировых символов.

Данную точку зрения разделяют религиоведы, ориенталисты и специалисты по эзотерике, то есть те, кто занимается изучением тех или иных аспектов духовной культуры. М. Элиаде, в частности, пишет, что «две точки зрения несовместимы лишь на первый взгляд, поскольку толкование символики никак не влияет на культурную или историческую ценность предмета или действия. Напротив, символизм обогащает ее, придает новое значение предмету или произведению искусства, благодаря чему оно вписывается в мировое культурное поле, становясь ближе к нашему времени.

Например, медведь из дикого зверя становится художественным образом, и его художественная сущность раскрывается во всей своей глубине, ибо во вселенной все связано системой соответствий и уподоблений.

Уже первобытный человек осознавал себя частью огромного открытого мира, наполненного множеством значений. И все же следует понять, что эта «открытость» может стать способом ухода от самого себя или представить единственно возможный путь принятия подлинной реальности мира».

В приведенной нами цитате четко сформулировано различие между историческим и символическим. Мы также видим возможность соединения обоих принципов с точки зрения космического синтеза. В словах румынского ученого содержится доля скепсиса, что можно приписать тому факту, что он обучался в то время, когда в науке преобладал аналитический подход, дававший блестящие результаты в каждой отдельной сфере реальности, не стремясь к всеохватности жизненно важных форм. Скажем так: «многообразие в единстве».

Другими словами, у мира сегодня нет своего образа, потому что этот образ может быть сформулирован только с помощью универсального синтеза знаний, синтеза, который, после Ренессанса и *de omni re scibili* (все познаваемо) Пико делла Мирандола, стал достаточно трудным.

В связи с вопросом о взаимосвязи между историческим и символическим Р. Генон замечает: «Действительно легко принять веру, которая допускает символическое истолкование и может отторгнуть литературное или историческое значение, пренебрегая законом соответствий. Этот закон — основа для любого символизма, и благодаря его свойствам каждая вещь обладает метафизическим началом, которое является источником его реальности, отражая его в соответствии со своим уровнем развития. Так что все вещи соотносятся между собой и соединяются в общей универсальной гармонии, которая во многих отношениях является отражением всеобщего единства... Одним из следствий данного подхода становится иерархия значений, которые содержатся в каждом символе, отражая не столько метафизическое начало, сколько разные уровни осмысления реальности».

Все вышеприведенные замечания показывают, что символическое никоим образом не исключает исторического, поскольку обе формы можно увидеть (с идеологической точки зрения) как функциональный аспект третьего, метафизического принципа платоновской идеи. Иначе говоря, все три принципа можно рассматривать как взаимное отражение одного значения на разных уровнях.

Исследуя происхождение религии, которой совершенно естественно он уделял столько внимания, К.Г. Юнг соглашался с М. Элиаде и Р. Геноном, полагавшими, что «физический факт», «Бог», является коллективным архетипом, психической составляющей, которая не должна смешиваться с концепцией метафизического «Господа».

Существование архетипа (то есть, в определенном смысле, образа) «ни утверждает существование Бога, ни отрицает его». Однако все это, собственно говоря, бесспорно, поэтому следует согласиться, хотя и только теоретически, что универсальность архетипа скорее подтверждает, чем отрицает реальность данного принципа.

Соответственно символическое, существующее независимо от исторического, не только исключает, но, наоборот, склонно привязывать его точно к действительности из-за параллелизма между коллективным или индивидуальным миром и космическим миром. И из-за особой глубины спрятанных корней всех систем значений дальнейший вывод связан с нашим стремлением создать теорию, согласно которой все символистские традиции, как западная, так и восточная, происходят из одного общего источника, когда-то появившегося во времени и пространстве. Установление его природы, как первичной центральной точки или проявления «коллективного бессознательного», представляет собой совершенно отдельную проблему.

Центральным для Генона является понятие изначальной Традиции, выражающей всеобщий космический и метафизический смысл мироздания. В ходе исторического развития она выражает себя через те или иные этнокультурные формы. Символом может служить как абстрактное понятие — геометрическая фигура, число, буква, так и любой материальный предмет — небесное тело, растение, животное, камень или металл, а также мифы, сказки и легенды, их герои и эпизоды, обряды и ритуалы, словесная формулировка которых была бы невозможна.

Хотелось бы особо отметить, что когда мы ссылаемся (в различных статьях) в виде сносок и пересказов на «традицию» или «традиционную доктрину», то говорим только о преемственности, сознательной или бессознательной, и пространственно-временных связях.

Некоторые исследователи отдают предпочтение стихийному росту исторически не связанных идей, в то время как другие верят только в преемственность культурных явлений. Так, например, Лефлер

показывает, что мифы о буре не создаются конкретным народом или племенем, поскольку они стихийно появляются, причем одновременно, то в Азии, то в Европе, то в Океании, то в Америке. Данный вывод сродни мнению Ранка, который заявляет, что «миф является коллективной мечтой людей». Эта концепция подтверждается Р. Штайнером.

Следуя за М. Мюллером, Бейли верит в общее происхождение человечества, что, как он считает, можно подтвердить наличием общих тем фольклора, легенд и верований. Объединяя свои усилия, востоковеды, историки религии, мифологи, специалисты по культурной антропологии, истории цивилизации и искусству, эзотерике, психоанализу и симвонологии дают достаточный материал для подтверждения «психологической правды» и этого «изначального единства».

Последующие доказательства исходят от физиологической основы, связанной с общими особенностями строения человеческого тела, его формы, равно как и его положений, в соотношении с простейшими элементами символической диалектики.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩЕСТВОВАНИЕ СИМВОЛОВ

Развитие символизма

Диль справедливо утверждает, что символ является синтезом общего (универсального) и конкретного. Универсального, поскольку он находится как бы над историей, конкретного, потому что соотносится с определенным периодом истории. Не углубляясь в вопросы «происхождения», мы покажем, что большинство авторов соглашались с данным тезисом, выводя зарождение символистской мысли к доисторическим временам, к верхнему палеолиту. Наше современное знание первобытных верований и знание искусства и привычек первобытного человека на основе археологических данных и исследований эпиграфических рисунков подтверждают эту гипотезу.

Созвездия, животные и планеты, камни и окружающая природа были первыми объектами наблюдений для первобытного человека. Первый шаг на долгом пути постижения этого мира можно обозначить словами апостола Павла, отметившего разделение мира на видимый и невидимый (Рим., 1: 20).

Совершившийся в начале истории переход от пиктограмм к идеограммам, а также ранние произведения искусства показывают постепенный процесс упорядочения знаний о мире и осознания своего места в нем посредством перехода от фиксации конкретных проявлений чувств к абстрактным понятиям на основе простой аналогии.